

значимость имеют чувства национальной гордости и ответственности. Однако наблюдаются проявления и болезненной гипертрофированной формы чувства национальной гордости, когда любовь к своей нации не сочетается с осознанием необходимости уважения других наций и народов.

Национальное самосознание, национальный патриотизм, национальные чувства – явления, которые относятся к одной сфере и имеют общий источник возникновения и объект отражения. Особенности национальных чувств проявляются в том, что они выступают как непосредственное порождение объективных условий существования народа.

Таким образом, в современном мире не существует абсолютно замкнутых культур и этносов. Существование глобализационных отношений создает условие для ускорения общих ценностей, с одной стороны, и этнических особенностей, с другой.

Литература

1. Михневич, О. А. Национальное самосознание как интегративный признак нации / О. А. Михневич, В. Г. Япринцев. – Минск : Харвест, 2007. – 320 с. – С. 210 – 213.

Интенсивное развитие международных экономических и политических связей диктует необходимость учета самого широкого спектра факторов. В статье рассматривается влияние национальной особенности характера на межкультурные коммуникации и процессы.

ДОСТОЕВСКИЙ КАК ПРОРОК ТОТАЛИТАРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

А. И. ЛЫСЮК

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь*

Несмотря на то, что политические идеи Ф. М. Достоевского укоренены в социальную ткань XIX века, они не только не теряют своей актуальности, но и многие из них выступают в виде идеологического оружия ряда современных политических акторов. При этом спектр потенциальных выгодополучателей среди современных интерпретаторов его политического творчества широк: от коммунистов до радикальных панславистов. Так, лидер КПРФ Г. Зюганов утверждает, что колоссальной исторической заслугой Достоевского является призыв к переориентации России на Восток и на борьбу с Западом, что в полной мере проявилось в политической практике СССР и чему обязана, по его мнению, следовать постсоветская Россия.

В свою очередь, такие сторонники концепции евразийства как Дугин и К°, не без оснований подозреваемые в симпатиях к русскому фашизму, воспринимают Достоевского как глашатая «Русской Консервативной Революции», в политическом творчестве которого, по их убеждению, наблюдается сочетание национального, религиозного, социалистического, антизападного и теллуократического, т. е. ориентация на аннексию сопредельных государств, что позволяет называть его «национал-большевиком». Поэтому для Дугина Достоевский актуален и сегодня, и слово «Достоевский» пахнет «кровью и выбором, поро-

хом баррикад и гноем нищих в переходах. Битва за тонкий дух России... идет всерьез и страшно» [1].

По утверждению видного американского политика Генри Киссинджера, В. Путин «вышел» именно из Достоевского. Речь идет не только об определенных идеологических постулатах русского мыслителя, артикулируемых президентом РФ, но и о психологии авторитарного властвования, детально и убедительно разработанных в «Бесах» и «Братьях Карамазовых». Социологический анализ этих произведений позволяет выявить важные закономерности и политической жизни постсоветского российского общества, поскольку, как утверждает М. М. Бахтин, всякое литературное произведение Достоевского «внутренне, имманентно социологично. В нем скрециваются живые социальные силы, каждый элемент его формы принизан живыми социальными оценками» [2, с. 181].

Политические события XX–XXI вв. показывают, что описанная Достоевским политическая «бесовщина», по своей природе приводящая к тоталитарным практикам, оказалась не отвлеченным понятием, а масштабно осуществляемыми действиями. Описание этого феномена получило широкое распространение в работах Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина и др., но первоначально оно было сформулировано в виде политического пророчества именно великим русским писателем.

В первую очередь речь идет об утверждении формата тоталитарного государства, исходящего из принципа иерархического централизма с диктатурой вождя, предполагающего создание общества абсолютного послушания и единомыслия, искоренение любого «инакомыслия», идейной либо практической крамолы, осуществление тотального контроля за жизнью других людей.

Действительно, при всей псевдоблагородной риторике Великого инквизитора и «бесов», их нацеленности на обустройство своеобразного «рая на земле», одновременно существует и своеобразная плата за это – полное подчинение народа деспотической диктатуре и воле высшего властителя при абсолютном бесправии масс и их превращения в толпу.

Какие же факторы могут обуславливать тренд к тоталитарности государственной власти?

Достоевский исходит из того, что в его основе находятся своеобразные «идолы духа», заложенные в душе самого человека и демонстрирующие его слабость перед искушениями и соблазнами.

Во-первых, говоря современным языком, это своеобразное, глубоко залегавшее в душе человека чувство социального мазохизма, т. е. стремление склонить свою волю перед авторитарным правителем, поскольку, по убеждению Великого инквизитора, «нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться» [3, с. 299]. Вызвано это чувство тем, что человек боится быть независимым и ответственным, ему изначально присуще «бегство от свободы» (Э. Фромм), и, по большому счету, никакая свобода ему не только не нужна, а скорее тягостна. Такому слабому человеку необходим внешний авторитет, берущий на себя множество ответственностей за его жизнь и общества в целом.

Во-вторых, это создание совершенно искусственной для человека дилеммы – «либо хлеб, либо свобода». Как утверждал Верховный инквизитор, «О, никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою

свободу к ногам нашим и скажут нам: «лучше поработите нас, но накормите нас» [3, с. 298]. В представлении антихриста, человеку предпочтительнее «иметь», а не «быть», и он ориентирован на то, чтобы иметь свое «тихое, смиренное счастье». Искусственность и лживость этого высказывания проявляется в том, что это в реальности как раз наоборот – наиболее свободные страны являются одновременно и самыми экономически богатыми, создав общество «всеобщего благосостояния».

В-третьих, это отказ от морального выбора в политике как со стороны властвующих, так и социальных «низов». «Бесовская» политика цинично пренебрегает нравственными принципами и оправдывает любые средства для достижения искомых политических целей. «Право на бесчестье», на «все позволено», на ложь и преступление провозглашаются одним из «бесов» (П. Верховенским) в качестве основополагающего принципа новой (социалистической) политической организации, поскольку эти «принципы» не только эффективны при достижении целей, но и выступают важным фактором группового единства, так как ничто так не объединяет людей, как «общий разделенный грех злодейства». Старец Зосима, говоря об инквизиторски мыслящих людях, утверждал, что они «мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлечший меч погибнет мечом» [3, с. 375]. Что в реальности и случилось в тоталитарных практиках.

В этой сфере существуют опасности и для современных демократических режимов, поскольку ценности постмодерна размывают нравственную составляющую политических процессов, в то время как для Достоевского обязательен моральный императив политики, который, в свою очередь, укоренен в религиозный.

В-четвертых, ключевым инструментом социальных преобразований в понимании «бесов» выступают насилие, принуждение, которые активно используются для установления социального единства, единообразия мысли и поклонения вождю. Предлагается преследование инакомыслящих, сжигание их за идейную крамолу на кострах, всяческая поддержка доносительства. Более того, «бесы» исходят из целесообразности массового террора по отношению к жителям страны, поскольку, с их точки зрения, основная часть социальной массы уже несправима, да и историческое время не ждет. По утверждению П. Верховенского, «сто миллионов голов... но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?» [4, с. 394]. По подсчетам историков университета Сорбонны, «сто миллионов» являются не отвлеченной метафорой, но как раз такое количество людей погибли в результате утверждения «коммунистического рая» в планетарном масштабе.

В-пятых, для завоевания поддержки народ необходимо привлекать установлением идеала «полного равенства». Подобная идея была популярна в различные эпохи. Но при ее артикуляции «бесами» скрывается главное – обещается равенство в рабстве, поскольку организация общества предполагается «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть... первобытной невинности» [4, с. 390]. Совсем как по Оруэллу – «все животные равны, но некоторые животные равнее других».

История отчетливо доказывает, что всякая тоталитарная система основана на большой лжи, на активном и масштабном использовании инструментов манипуляции, мистификации и ложной идеологии. И антихрист, и «бесы» выступают в роли соблазнительей и творцов иллюзий. Сила и убедительность политической лжи должна привести к тому, что все в обществе, «в общем и согласном муравейнике» как будто счастливы, чувствуют себя свободными при полном отсутствии свободы.

Эта ориентация на ложь и соблазн отчетливо выступают в образе Великого инквизитора, который, заимствуя внешнее от христианской идеи и образа Христа, в реальности извращает их подлинность. Неслучайно в Священном Писании антихрист выступает в облике Отца лжи, рядящегося в одежды ангела света. Он эксплуатирует авторитет Христа и от его имени проводит общественные преобразования, исправляя и искажая его учение. При этом он лжет вполне сознательно, а людям предлагается жизнь в мире иллюзий, где своих порабощателей они должны воспринимать как благодетелей, безгранично мудрых и заботливых, «ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлеба их» [3, с. 304].

Для управления в тоталитарном государстве необходимы как высокое, смысловое, культурное, так и низкое, утилитарное, имеющее отношение к базовым материальным потребностям человека. Высокое выступает в псевдорелигиозном характере деятельности Великого инквизитора. Действительно, у него апелляция к высшим ценностям никаким образом не связана с самой сутью христианского вероучения, поскольку вместо истины артикулируется ложь, вместо любви – ненависть, вместо смирения – агрессия, вместо образа Христа – человеческие политические иды, вместо жизни – смерть.

Низкое же выступает в виде ориентации на нравственное разложение народа. И потому, что разложенными в духовном плане людьми легче управлять и они больше склонны к послушанию. И по той причине, что сам народ склонен предаваться и прельщаться внешними соблазнами. Поэтому, согласно «бесам», «первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Мы умирим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, – вот чего надо!» [4, с. 403, 406]. В более ограниченных масштабах эту идею поддерживает и антихрист, отмечая, что в создаваемой им социальной системе по причине слабости людей и стремления вызвать большую любовь к правящим, снисходительно «сверху» будет допущен и грех, но исключительно под государственным контролем, потому что в реальности греховно только то, что без разрешения, а разрешенное – все праведно и достойно.

В-шестых, это опасность политического культа личности, выступающего в самых разнообразных формах. Предчувствуя Фрейда и психоаналитиков, в произведениях Достоевского содержится указание на то, что комплекс неполноценности человека способен породить безудержное стремление к сверхкомпенсации, жажду власти. Заявляя о высоком и претендуя на абсолютное доминирование, в реальности, как говорил Алеша об инквизиторе, «их идеал... самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего кре-

постного права, с тем, что они станут помещиками... вот и все у них» [3, с. 307], т. е. создание системы, которая Бердяевым была названа Новым средневековьем.

Сам же культ личности основывается на использование очень эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – эти силы: чудо, тайна, авторитет» [3, с. 301]. Все это предполагает претензии правящих на обладание высшим смыслом жизни, на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывания властвующей персоны тайной, включая и тайну частной жизни, и, обязательно, на внушение людям страха.

В-седьмых, отметим также политико-психологическое описание в трудах Достоевского феномена политического террора, политически мотивированных убийств, существенным образом связанных с С. Нечаевым и «нечаевщиной», но не сводящимся к ним и обладающих универсальным характером. Они нацелены не только на обличение «красного террора», но и любого другого, включая и террор, основанный на религиозном фундаментализме.

Литература

1. Дугин, А. Русские игры Ленкома (О спектакле «Варвар и еретик» Марка Захарова) [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <https://arcto.ru/article/2016> – Дата доступа: 08.09.2018.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 11. – 623 с.
4. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 8. – 623 с.

В данной статье изучаются идеологические основания тоталитарных практик, представленных в произведениях Достоевского. Отмечается, что существенный потенциал тоталитаризма заложен в идеях народнического социализма, допускающих культ политического руководителя, аморализм используемых средств, пренебрежение народной волей, отрицание религиозных ценностей, использование политического террора, ориентацию на контроль за душами людей, масштабное использование насилия и др.

УДК 008:392+930.2(476)“18”

КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В XIX В. В РАБОТАХ Ю. И. КРАШЕВСКОГО

Л. Ю. МАЛЫХИНА, А. В. ЖЕБИТ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Как историко-этнографический регион Полесье до сих пор представляет большой научный интерес для исследователей особенностей традиционно-бытовой, материальной и духовной культуры, языка его населения. Являясь древнейшей этноконтактной зоной, Полесье и сейчас сохраняет реликты обще-